

Б. Г. ТУКУМЦЕВ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БУДИМИРА ТУКУМЦЕВА, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ¹

Переезд в Алма-Ату. Завершение учебы в Ленинграде

Переезд в Алма-Ату. Мы покидаем село Иртышское

В конце июля 1943 года мы попрощались с селом Иртышским, с хорошими людьми, которые оставались там жить, и отправились по реке Иртыш на пароходе в Семипалатинск, чтобы затем, проехав на поезде по Турксибу в южный Казахстан, попасть в Алма-Ату. На протяжении всего времени нашей жизни в Иртышском родители регулярно переписывались со своим приемным сыном — Олегом Ростиславовичем Назаревским. Будучи сотрудником Академии наук Казахстана, специалистом-географом, он жил вместе с женой Сарой в городе Алма-Ате, который в то время был столицей Казахстана.

Там же жили и его сестры, Муза и Лиля, — небольшой сохранившийся «островок» потомков рода Назаревских, наших родных по линии мамы, Евгении Васильевны. Правда, сестра Олега Лиля жила в некотором отдалении от Алма-Аты, на станции Матай. Вторая — старшая — сестра Муза, жила в Алма-Ате, в одной комнате с двумя сыновьями. В дальнейшем, когда выяснилось, что я остаюсь там для учебы на подготовительном отделении Ленинградского транспортного института, именно Муза взяла меня к себе «на квартиру». И мы два года жили вчетвером. Мужья обеих сестер в то время были на фронте.

Олег неоднократно предлагал нашим родителям покинуть это село и переехать в Алма-Ату. Родители же с большой осторожностью рассматривали эту перспективу. Им тогда было каким-то образом известно,

---

¹ Продолжение. Начало см. в ПСС 20 и ПСС 21.

что Алма-Ата переполнена эвакуированными, в основном москвичами. И родители опасались, что им трудно будет найти там и работу, и жилье. Их больше привлекал переезд в родной для мамы город Пензу, где жили мамы сестры. Тем более что еще в 20-е годы они вместе с отцом жили и работали несколько лет в этом городе, уехав из Петрограда из-за эпидемии «испанки» и голода, который царил там в 1917 году.

Но попасть в Пензу из Северного Казахстана в условиях военного времени ни в начале войны, ни на третий ее год было нереально. Зато из Алма-Аты это было возможно. Всего с одной пересадкой. Поэтому только тогда, когда они выяснили возможность трудоустройства отца в Пензенском педагогическом институте, было принято решение о переезде в Алма-Ату. С тем чтобы уже там думать, как поступить дальше.

Вопрос об официальном вызове отца в Алма-Ату, в Академию наук, Олегу удалось решить благодаря поддержке его шефа — академика Баранского. Вместе они сходили к президенту Академии наук Казахстана Сагпаеву. Тот поддержал их просьбу и дал указание оформить вызов. В Иртышск были отправлены все необходимые для переезда документы. В то военное время поездки «по собственному желанию» не допускались.

И в середине июля 1943 года у нас на руках был вызов, пропуск и билет на пароход до Семипалатинска. Далее следовало ехать по железной дороге. Были упакованы вещи, куплены необходимые продукты в дорогу. Не помню точно числа, но это были последние июльские дни, когда мы отправились по Иртышу вверх, против течения, на том же самом колесном двухпалубном дореволюционном пароходе, на котором приехали сюда. Правда, теперь мы ехали уже не в трюме, а в четырехместной каюте на второй палубе.

Для меня эта поездка была очень интересной и запомнилась на всю жизнь. Мне довелось облазать весь пароход, познакомиться с командой — пожилыми людьми, участвовать в погрузочно-разгрузочных работах. Таскал на лямках (на спине, как заправский грузчик) мешки с подсолнечными семечками (более тяжелого груза мне не давали).

Завязались у меня и дружеские беседы с пассажирами-сверстниками. В пылу этого общения я ненароком оказался жертвой военного врача-психиатра, который был среди пассажиров парохода и сидел неподалеку. Грешен, я в его присутствии позволил себе отозваться о гипнозе как о шарлатанстве. В наказание он тут же, не сходя с места (впервые и единственный раз в моей жизни) меня загипнотизировал. Это было малоприятное ощущение. Но с тех пор я больше не сомневаюсь в существовании потусторонних сил и колдовства.

Через три дня пароход прибыл в Семипалатинск. Мы приехали на частной подводке на железнодорожный вокзал. И, сложив на

привокзальной площади свои вещи, стали выяснять, как же нам уехать поездом в Алма-Ату. И тут стало ясно, что мы даже не предполагали, насколько это бесперспективно. Поездов не было. Точнее, о них ничего не было известно. Потянулись полные неясности часы ожидания возле железнодорожной кассы. А там стояла толпа ожидающих билета на поезд.

Во время этого ожидания нас намеревались обокрасть. Я почувствовал, что за нами кое-кто из местной шпаны очень внимательно следит, подошел к одной из тусовок, поговорил о жизни, угостил ребят семечками, которых у меня теперь было много. Те «оттаяли» и «слили мне информацию», кто и какой чемодан намерен у нас увести. Более того, они объяснили, как надо переложить вещи. Я все сделал по их совету и внимательно наблюдал, как постепенно исчезали «охотники» за нашим багажом.

Спасение из практически безнадежного положения пришло к нам в лице пожилого военного в полевой форме с капитанскими погонами, который предложил нам доехать до Алма-Аты в двухосном пассажирском вагоне. Он перегонял этот вагон куда-то на юг. Предложил, разумеется, за определенную мзду.

И мы поехали. И доехали, совершив еще одно необычное путешествие по знаменитому в те времена Турксибу (Туркестано-Сибирской магистрали). Новая железнодорожная ветка из Средней Азии в Сибирь была построена незадолго до начала войны. Тогда стройка пользовалась в стране большой популярностью. О ее значении нам рассказывали на уроках географии, писали в «Пионерской правде». Даже небезызвестный Остап Бендер побывал на ней по воле Ильфа и Петрова.

И вот теперь мы ехали по этому пути. Мои впечатления от поездки были усилены еще тем, что наш хозяин-капитан предложил мне забраться с ним на крышу вагона. Мы просидели с ним там долго. Это было незабываемое зрелище. Круговой обзор трассы Турксиба давал представление о бескрайних степях Казахстана с верблюдами и другой живностью. К сожалению, повторить такое путешествие на крыше мне в жизни больше не пришлось.

Знакомство с городом

На станцию Алма-Ата-1, находящуюся на значительном расстоянии от города, мы прибыли ранним утром. Сам город расположен в предгорьях Алатау, и туда вела от этой станции лишь ветка пригородного поезда. Но он ходил очень редко. Оставив маму с моей сестрой Ладой возле вещей на вокзале, мы с отцом отправились в сам город искать дом Олега и Сары Назаревских. Пройдя пешком до начала городской черты

около двух километров, мы подошли к Ташкентской аллее — улице, которая ведет от городской железнодорожной станции в город.

И мы увидели явно непарадный вход в этот старинный город, основанный в XIX столетии для защиты российских земель от набегов китайских племен. Жили тогда в этом городе и в его окрестностях главным образом российские казаки. Они-то и привезли сюда саженцы ставших потом знаменитыми алма-атинских яблок.

Оказавшаяся на нашем пути окраина города не создавала ощущения столичности. К тому же надо было учитывать и то, что на облик города накладывала свой отпечаток и продолжающаяся третий год война. Тем не менее пока мы с отцом шли, разглядывая предместья, я успел сочинить небольшую шутку: «Мы пришли в Алма-Ату».

(Ниже помещен этот экспромт, который впоследствии всегда возникал в моей памяти, когда я вспоминал об этом симпатичном городе на склонах Алатау.)

Приехав в город утром рано,
Его я будни увидал:
На лавке пьяный мирно спал,
Носили воду из-под крана.
Тащились хлебные фуры,
Как каравай, благоухая.
И по арыкам во дворы
Текла вода, все поливая.
У рек ее не ценят так,
А здесь она причина драк.
Вдоль тополей, вверх по дороге
Мы шли, в пыли купая ноги.
Кричал ишак, ревел мотор,
И все на фоне чудных гор.

Встреча в доме нашего Олега была сердечной. Вскоре возчик Академии наук привез маму и Ладу, ну и вещи, разумеется. И мы начали осваиваться в новой для нас обстановке.

И сразу же обратили внимание на то, что условий для нашего обустройства, как родители и предвидели еще в Иртышском, было не так уж много. У Олега и Сары была однокомнатная квартирка в деревянном одноэтажном доме. Муза, сестра Олега, жила с двумя сыновьями в одной комнате большой квартиры с коммунальной кухней. То есть жилищная ситуация наших родных была более чем скромной. Напрашивался вывод о необходимости поиска наемного жилья.

И уже скоро стало ясным, что если работу родители еще и могут себе найти, то найти жилье было просто невозможно, «не будучи Рокфеллером». И родители продолжили переписку с Пензенским педагогическим институтом. Тем не менее они были благодарны Олегу и всем родным за подготовку и осуществление нашего выезда из Иртышского как первого шага на пути в Пензу.

Ленинградский институт в Алма-Ате

Моя дальнейшая судьба неожиданно решилась отдельно от перспектив для всей нашей семьи. Ее обсуждали на расширенном семейном совете на второй день после нашего приезда. Собрались наши родные-алмаатинцы, и даже пришли их друзья. Предполагалось на столь широком собрании обговорить и варианты трудоустройства родителей, и перспективы нашей с сестрой учебы в этом городе.

В тот день переезд в Пензу не рассматривался. Не был еще получен ответ из Пединститута. Разговор сразу же начался с возможности моего поступления в институт. Выяснилось, что в тот момент в Алма-Ате это было возможно, несмотря на то что я окончил только 9 классов. В городе функционировал эвакуированный из Ленинграда Электротехнический институт инженеров сигнализации и связи. Он относился к железнодорожному ведомству и после окончания войны должен был вернуться в Ленинград. В связи с острейшим дефицитом абитуриентов-мужчин там был открыт прием сравнительно большой группы ребят (только мужчин), которые окончили 9 классов, с тем чтобы за короткое время подготовить их к поступлению на первый курс института.

Несмотря на всю авантюренность такого проекта, в моей ситуации это было невероятным везением, как будто добрая судьба специально подготовила такой вариант продолжения моего образования. Да еще и перспективу вернуться с институтом в родной город.

Для уточнения подробностей семейный совет тут же пригласил сына эвакуированной из Ленинграда соседки Назаревских, который уже подал документы на это подготовительное отделение. Его звали Саша Аркадьев. Он подтвердил сказанное и в дополнение сообщил, что студентам этого института выдают рабочие хлебные карточки (это было значимо — студенты остальных вузов получали карточки иждивенческие). Саша рассказал, где находится этот институт. В дальнейшем мы с ним подружились.

На семейном совете обсуждение продолжилось. Но теперь там выяснялась перспектива трудоустройства родителей. А она была невеселой, и варианты даже не просматривались.

Когда на следующий день я принес свои документы в здание, где размещался деканат института, их принял у меня сам декан факультета, профессор Александр Александрович Яблонский. Мне показалось несколько странным, что он так долго рассматривает мои не такие уж емкие бумаги. Последовал вопрос: «А вы что, работали последний год?» Я сказал, что да, работал. «А по какой профессии?» Я рассказал, где и кем. Он отложил мои бумаги и поинтересовался: «А кто по профессии Ваши родители?» Я ответил. «А где они сейчас работают?» — «Да нигде, — сказал я. — Мы всего лишь два дня как приехали». Он на секунду задумался и затем сказал: «Вот что, товарищ Мейер. На подготовительное отделение вы приняты. Приходите первого августа на занятия. Но у меня к вам большая просьба. Попросите вашего отца прямо сегодня подойти ко мне. Это очень важно».

Отец был дома. Не мешкая, он тут же отправился в здание железнодорожного техникума, где размещался филиал института. Вернулся довольным. Ему декан предложил позаниматься с учениками подготовительного отделения по литературе. Необходимо было прочесть несколько лекций в рамках программы десятого класса.

Итак, я был принят с аттестатом за девять классов на подготовительное отделение Ленинградского института сигнализации и связи МПС. Институт был приравнен к высшим учебным заведениям военного профиля и получил разрешение организовать подготовительное отделение, чтобы увеличить выпуск специалистов транспорта.

Подготовительное отделение

А через неделю после нашего приезда в Алма-Ату, 1 августа 1943 года, на подготовительном отделении начались занятия. Они были рассчитаны на три месяца. Пятьдесят «подготовишек», и это были только парни, приступили к освоению краткого учебного курса за 10-й класс. И окончание этих курсов давало основание на получение документа о среднем образовании.

Большая часть поступивших на отделение ребят были 1926 года рождения. И еще до окончания десятого класса обычной школы их должны были призвать в армию. А после окончания подготовительного отделения они уже в этом, 1943-м, году становились студентами железнодорожного института и получали отсрочку от призыва в армию, поскольку работа на транспорте приравнивалась к армейской службе.

Такой кадровый маневр был утвержден постановлением Правительства и Верховного командования страны. Министерству путей сообщения поручили при помощи подготовительных отделений увеличить число парней, поступающих на факультеты транспортных вузов, приравняв их к военным учебным заведениям. В перспективе это позволяло уменьшить дефицит специалистов-мужчин на транспорте и в армии, который сложился к третьему году войны. Как ни значимо гендерное равенство, но тогда на транспорте специфика ряда инженерных мест требовала их замещения только специалистами-мужчинами. Поэтому на подготовительные отделения девушек не принимали. Они, как и прежде, поступали в институт после десятилетки. И ориентировались преимущественно на профессии по развитию и обслуживанию средств связи.

Я был на год моложе основной массы студентов подготовительного отделения. И меня должны были призвать только через два года. Поэтому основной причиной того, что этот институт привлек и меня, и родителей, была его ленинградская «прописка». Мы рассчитывали, что таким образом я обязательно вернусь в Ленинград. Сегодня мы знаем, что хоть я и вернулся в свой родной город, но остаться в нем, то ли к сожалению, то ли к счастью, не сумел. Такой была судьба!

1 августа 1943 года, когда я пришел на занятия, выяснилось, что декан Яблонский подготовил мне сюрприз. Придя в нашу большую аудиторию, он в присутствии всего отделения зачитал приказ о назначении меня старостой подготовительной группы из 50 человек. Страх или смущения перед такой обязанностью у меня не было. В Иртышской школе механизации я вел занятия с группами сельских девиц. После общения с этими «своевольницами» можно было не бояться руководить любой самой своевольной группой. И можно считать, что с этим поручением мне удалось справиться.

Уроки с нами проводили специалисты, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Киева. Это была профессура, академические ученые, которые подрабатывали на наших курсах. Поэтому мы считали, что нам крупно повезло. Занятия были необычайно интересны и полезны. Чрезвычайный характер курсов способствовал ответственному отношению к занятиям будущих студентов. На курсах все шло как по маслу. Не было ни прогулов, ни нарушений хода занятий. К старосте относились уважительно.

Завершая эту тему, я хочу рассказать об одном любопытном случае, который произошел во время моего «старостства». Был у нас парень из

Молдавии, Изя Кишиневский. Такой небольшого росточка, скромный, но толковый молдавский еврей. Им с бабушкой повезло. В первый же день войны они успели попасть в эшелон и уехать из Кишинева, спасаясь от наступающих немецких войск. А вот его родители этого сделать не успели. И сам Изя, и мы прекрасно понимали, что теперь там с ними могло произойти. И сочувствовали ему.

Но в конце второй недели учебы случилось нечто необычное. Изя пришел на лекции босиком. Кто-то спросил у него, а почему он решил так ходить. И он ответил, что, поскольку у него только одни ботинки, бабушка посоветовала ему поберечь их до зимы. Такое объяснение задавших вопрос устроило. Но не всех.

Надо заметить, что собравшаяся на подготовительном отделении группа начинающих студентов была очень неоднородна по социальному составу. Большая часть подготовишек были одеты очень скромно, в духе военного времени. Но было несколько парней из семей, сохранивших, несмотря на войну, достаточно высокий уровень жизни. В этом можно было убедиться уже по их внешнему виду. И именно эта группа почему-то яростно ополчилась на нашего тихого Изю за его «босоногость». Удивляло и то, что большая часть этой группы относилась, как и Изя, к еврейской национальности. Тем не менее они не давали ему прохода и просто внаглую начали насмехаться над ним.

Наши замечания их не останавливали. Мы, то есть те, кто с пониманием относился к нашему босоному коллеге, терпели это хамство два дня. А на третий день, договорившись, все как один пришли на лекции босиком.

У нашей «элиты» это вызвало шок, и они затихли. Но наша акция была замечена не только ими, но и преподавателями. И уже на следующий день, во второй его половине, меня вызвал к себе наш декан Яблонский. Он молча вручил мне ордер на получение в ОРСе одной пары парусиновых туфель для Изя. И не сделал мне никаких замечаний. Только сказал: «Чтобы завтра все были обуты».

Яблонский, конечно, был молодец. Проводя свою коллективную демонстрацию, мы тогда ходили по краю. В военное время, в условиях репрессий такая акция могла аукнуться очень жестоко. Но опытный Александр Александрович оперативно и тихо спустил все на тормозах.

Так начиналась моя адаптация к «руководящей деятельности» в условиях чрезвычайных ситуаций, которых было еще немало в моей студенческой жизни того времени, да и вообще в моей долгой-предолгой работе.

Отъезд родителей в Пензу

Прежде чем говорить о том, как мои родители доехали до Пензы, есть смысл сказать о том, чем она их привлекала. Дело в том, что в Пензе длительное время жила семья нашей мамы. С конца XIX столетия туда был переведен по службе мамин отец, Василий Иванович Назаревский. Он был здесь одним из «воинских начальников» (военном по-современному). Здесь прошло детство моей мамы, Евгении Васильевны. Выросли и ушли во взрослую жизнь ее братья и сестры. Для деда Василия Ивановича Пензенская губерния стала последним местом службы. Он похоронен на Митрофаньевском кладбище Пензы.

В годы войны там жили две мамыны сестры. К этому времени они оказались единственными, кто остался в живых в этом городе из членов большой семьи Назаревских.

Муж младшей, тети Гали, Аркадий Федорович Львов работал лесничим, и они все вместе жили в лесничестве среди заповедного Арбековского лесного массива, километрах в пяти от Пензы.

Все заботы о хозяйстве, а это был и огород, и корова, и птицы, и поросенок, лежали многие годы на знакомой мне тете Наде (ее сестра была сердечницей). Тетю Надю я знал и любил. Она посещала нас до войны в Ленинграде.

Ее жизнь была исковеркана революцией. Окончив в свое время Московскую консерваторию, она была до 1917 года известным пензенским музыкантом — пианистом и преподавателем музыкального училища. Уже в советские годы, после войны, ее упоминали в статьях об истории культуры города Пензы.

После установления советской власти ее лишили права преподавать и давать концерты. Причина была проста — ее отец и братья были офицерами царской армии. И ей ничего не оставалось, как кормить и себя, и своих близких продуктами домашнего хозяйства. Когда я в 1944 году увидел ее, заехав в Пензу к родителям, то обратил внимание на ее руки. Они были поцарапанные, опухшие, со скрюченными пальцами, которые уже не могли, как прежде, порхать по клавишам фортепьяно.

Вот на встречу с этой пензенской семьей и направлялись мои родители вместе с Ладой. Пробыв месяц в ожидании, отец получил приглашение Пензенского педагогического института на работу в должности заведующего кафедрой русского языка. И если не касаться дорожных приключений, то в самой Пензе все у них сложилось благополучно. Они были устроены на работу и поселились на приличной частной квартире.

Что же касается дорожных приключений, то они были на редкость тяжелыми. Сначала на пересадке в Сызрани у них украли чемоданчик с документами и мамиными драгоценностями. Они махнули на это рукой и уехали в Пензу, хотя в милицию обратились. Неожиданно маму вызвали в Сызрань, якобы для опознания вещей. И она рискнула туда вернуться. Но никакого чемодана ей не показали и документов не отдали.

Она провела в Сызрани несколько бессонных ночей. Милиция уговаривала ее поскорей уехать в Пензу (они говорили, что даже не знают, кто ее вызвал). Она отказывалась и требовала предъявить чемодан.

Но они решили от нее избавиться и пошли на подлость, сказав, что имеют сведения о том, что ее муж в Пензе скончался. И когда она согласилась уехать, посадили ее на переходную площадку между вагонами и отправили в Пензу.

Однако до отъезда она успела дать телеграмму в Алма-Ату моим родственникам о смерти папы. Приехав в Пензу и застав супруга живым, она попросила его срочно сообщить в Алма-Ату об ошибке. Отец побежал на почту, но по дороге упал и потерял глаз (к счастью, тот, который не видел). Вот таким оказался переезд.

Но жизнь продолжалась и налаживалась. Мама устроилась в Пензенское художественное училище преподавателем литературы. Лада поступила в шестой класс.

Весной 1944 года они даже смогли отправить мне две продовольственные посылки. Правда, к тому времени я уже в посылках не нуждался.

Еще до Нового года у меня появилась своя маленькая мастерская по ремонту посуды. Я устроил ее в закутке на кухне нашей коммунальной квартиры.

Идея такого промысла родилась неожиданно, во время посещения Центрального Алма-атинского рынка. Неожиданно возле ограды рынка я увидел несколько деловых стариков, сидящих на старых ящиках и занимавшихся ремонтом кастрюль, чайников и других домашних приборов. Я подошел, присмотрелся к их работе и понял, что мне такое занятие после работы в Иртышской школе механизации вполне по силам. И всю учебную зиму по ночам на кухне нашей коммунальной квартиры я занимался починкой и пайкой старых кастрюль и другой утвари. В течение дня их приносили и складывали на нашей кухне жильцы соседних квартир и домов. Заказов было довольно много. А соседи по квартире моей работе не препятствовали. Ведь их кастрюли и все остальное я чинил бесплатно.

Поездка в Ленинград на восстановление института

Шел третий, уже обнадеживающий всех нас год войны. Мы слышали по радиотрансляции, что наш родной Ленинград не только освобожден от блокады, но там уже начались восстановительные работы. Ремонтировались здания и предприятия, пострадавшие от налетов авиации и артиллерийских обстрелов. Все мы, и особенно эвакуированные ленинградцы, восприняли эту информацию с большой радостью. И когда руководство института обратилось к студентам с призывом войти в состав стройотряда и выехать на время летних каникул в наш город для восстановления здания института и его общежитий, это было встречено с большой радостью. И это несмотря на то, что работать там предстояло на общественных началах (то есть без оплаты). А жить на стипендию.

Подавляющая часть ребят не раздумывая подали заявления о включении их в этот стройотряд. Естественно, что и я оказался в их числе. Всем пришлось досрочно сдать весеннюю экзаменационную сессию. Сдали.

И в конце мая наш стройотряд и большое число преподавателей с семьями выехали в Ленинград специальным эшелоном. Поскольку институт относился к железнодорожному ведомству, ехали мы не в товарных вагонах, а в пассажирских. Правда, в очень старых, дореволюционных, но зато с купе и со спальными полками.

К моему сожалению, маршрут эшелона был проложен не мимо Пензы. Нас провезли северным ходом: от Алма-Аты на север по Турксибу, через Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Пермь... Словом, я вновь проезжал уже знакомые мне по 1941 году города, где проходил наш питерский эшелон, следуя в Северный Казахстан. Теперь мы двигались в обратном направлении. Поэтому попасть к родителям не удалось. Теплилась надежда сделать это на обратном пути.

По прибытии в Ленинград мы своими глазами увидели большое число разрушенных зданий, причем в самых памятных, знакомых местах. Например, на Морской, вблизи от Невского. На Петроградской много разрушений было рядом с заводом Кулакова. Рядом с нашим институтом ряд домов стоял без крыши и верхних этажей. Наш институт напоминал дот. Все окна нижних этажей были заложены кирпичами с бойницами для орудий. Они были направлены в сторону Каменноостровского моста. Само здание не пострадало, но поскольку окна были выбиты, электропроводка во внутренних помещениях сгнила, штукатурка обрушилась. Часть дверей отсутствовала.

Нас распределили по бригадам. И мне повезло. Я попал в бригаду электромонтеров. За время работы в ней довольно прилично освоил эту профессию. Это укрепило мою финансовую самостоятельность. В следующую зиму я уже больше не паял кастрюль. Приличный для студента уровень жизни полностью обеспечивала моя новая рабочая профессия.

В Питере в течение почти трех месяцев мы работали бригадой в зданиях института и его общежитий. Восстанавливали электросети и ремонтировали электрооборудование.

В то военное время необходимых для ремонта материалов не то что не хватало — их просто не было. Поэтому значительную часть времени мы тратили на их поиск. Сейчас это странно звучит, но поиск мы вели в разрушенных домах. Стоя на обвалившихся перекрытиях, мы снимали в этих развалинах со стен и потолков сохранившиеся провода, арматуру. Откручивали розетки, выключатели, щитки и несли все эти «драгоценные трофеи» в свой институт для использования при ремонте.

Работа эта была очень опасна, с риском получить серьезные травмы. Но тогда на это никто не обращал внимания. Уподобляясь альпинистам, мы, подстраховываясь веревками, поднимались по обвалившимся перекрытиям к верхним этажам и добирались до сохранившейся там аппаратуры. Сегодня можно со смехом вспоминать, что за эту «охоту за материалами» нам в качестве вознаграждения доставались выкрученные на этажах электрические лампочки. Мы их продавали на базарчиках, что было одним из источников нашего заработка. Ведь зарплату за работу нам не платили. Жили мы на стипендию, а была она более чем скромной.

Тем не менее трудностей с питанием мы не испытывали. Нас тогда поддержала и удивила ленинградская торговля. Белый хлеб мы там увидели впервые за годы войны. По карточкам нам давали 400 грамм черного и 200 грамм белого хлеба. Вообще по карточкам в магазинах можно было купить все, что в них было напечатано. В противоположность этому, в магазинах Алма-Аты мы могли «отovarить» (как говорилось тогда) только талоны на хлеб. Ничего кроме хлеба в магазинах не было. Разумеется, для нас, обычных людей. По литературным карточкам было много чего. Но не для всех.

Алма-атинские шутники создали тогда по этому поводу классификацию покупателей по типу получаемых и отovarиваемых ими продовольственных карточек. Звучало это так: 1. «Литераторы», получающие карточки Литер А; 2. «Литер-беторы», получающие карточки Литер Б; 3. «Сам-себесоры»; и 4. «Кое-какеры». Такая вот структура тылового гражданского общества войны.

В Питере все было гуманнее. Важно было и то, что на предприятиях и в институтах продавалось без карточек некоторое количество продуктов. После блокады здесь действовал особый режим снабжения.

Зарплату нам, как я уже говорил, не платили. Но в Питере была возможность приобрести кое-что из одежды. И мы старались как-то подрабатывать, не чураясь никакой работы. Вечерами ремонтировали электропроводку в частных квартирах, торговали снятыми в развалинах лампочками, работали на погрузке и т. п. Этот заработок обычно предназначался для приобретения одежды. Для меня, например, возможность одеться была сверхактуальна. Приехал я тогда в Питер из Алма-Аты в том, в чем три года назад уезжал из него в начале войны. Единственное, что добавилось за это время к моему туалету, это старые брюки брата Олега, которые он мне подарил в Алма-Ате, так как ходить в институт в пионерских сатиновых штанах образца 1941 года было уже невозможно.

Между тем летом 1944 года на первом этаже Гостиного двора на Невском действовала своеобразная «государственная барахолка». Там продавали старую одежду из разрушенных бомбежкой домов, но постиранную, почищенную и отглаженную. Продавали недорого.

Конечно, мы понимали, кому эти вещи принадлежали раньше. Это могло кое-кого смущать. Но других вариантов одеться у нас не было. В государственных магазинах готовая одежда в то время не продавалась. Ее можно было купить только на рынке. Но собрать такие суммы, которые там за нее просили, для нас было непосильно.

В результате упорного труда и безграничной фантазии у меня тогда появился целый гардероб, включая пальто. Даже какая-то симпатичная курточка появилась. Теперь я уже не выглядел «оборвышем войны».

Не могу не вспомнить, что тогда, помимо работ по восстановлению института, мне довелось потрудиться и на общественных работах по благоустройству нашего Петроградского района. По установленным правилам я обязан был, как и все студенты, отработать один день на благоустройстве района. И меня направили на работу в скверик у Кировского (Троицкого) моста, что недалеко от дома Кшесинской. Во время блокады там стояла батарея зенитных орудий, небо освещали прожектора, были оборудованы землянки, траншеи. Теперь этот сквер восстанавливали. Я прибыл туда рано утром. И, получив большой кузнечный молот и лопату, отправился превращать привезенные битые кирпичи в кирпичный гравий для дорожек. Кругом шумел городской транспорт, шли люди по своим делам, а я упорно, без перерыва на обед, махал молотом. Моя «молотобойная» деятельность была воспринята

положительно, и в три часа дня передо мной появилась солидная женщина в фартуке и сапогах, которая сказала: «Хватит, норму выполнил!» И вернула мне мое направление со штампом «Отработал рабочий день 10 августа 1944 г.». С тех пор я всегда с гордостью прохожу и проезжаю мимо этого скверика. Как же! Ведь я участвовал в его восстановлении в последнем военном году!

Второй концерт для рояля с оркестром Сергея Рахманинова

Институт и оба общежития за три месяца мы восстановили и подготовили к проведению занятий. А в последних числах августа нам предстояло возвратиться в Алма-Ату. И продолжить там свои занятия. Причем возвращаться мы должны были не эшелонами, а самостоятельно, пассажирскими поездами. Меня это обрадовало. У меня появлялась возможность заехать по пути к родителям, которые с 1943 года жили и работали в Пензе.

Путь до Пензы лежал через Москву, и я прибыл в столицу рано утром. Выяснилось, что первый поезд, на котором я мог доехать до Пензы с Казанского вокзала, отходит поздно вечером. Я никогда раньше не был в Москве, и теперь у меня было достаточно времени, чтобы посмотреть на столичные проспекты, прокатиться в метро, побывать на Красной площади. Надо сказать, что тогда Москва на меня большого впечатления не произвела. После Ленинграда трудно было найти в этом городе некий архитектурный замысел и подобную питерской столичную торжественность. Не исключено, что на моем восприятии города негативно сказались еще не устраненные последствия военных действий в дни его обороны. Трудно сказать. Но и много лет спустя, когда в создание столичного облика Москвы было вложено немало денег, мне так и не удалось восхититься нашей столицей как архитектурным ансамблем.

Передвигаясь по городу, я не забывал, что главным моим желанием в Москве было увидеть двоюродного брата отца, моего дядю, которого я знал с детства и очень любил. Жил Георгий Романович на Чистых Прудах. Там у него я вскоре и оказался.

А вечером отправился на Казанский вокзал. Ташкентский поезд через сутки довез меня до Пензы. Здесь я, как и в Москве, был впервые. Была ночь, около трех часов. Выйдя на привокзальную площадь, я очутился в полной темноте. В городе, как и во всей западной России, соблюдалось затемнение, поскольку война все еще продолжалась.

Разглядев в этой тьме спешащего куда-то старика, я спросил его, как добраться до Московской улицы. Он объяснил, и через пару минут я уже шел по этой, как писали родители, главной улице Пензы. Она проходила через весь привокзальный район к площади на возвышенности в центре города. Мне предстояло не только дойти до этой площади, но пройти еще дальше около километра. Кругом не было видно ни души. Луны не было. Освещали город только звезды, проглядывающие сквозь облака. Честно говоря, в этой темноте и безлюдье было не очень уютно. Улица Московская постепенно поднималась все выше. И я упорно шел по ней вперед и вверх.

По пути я как бы «перелистывал» в памяти свои впечатления от посещения Москвы. Конечно, самое большое удовольствие я получил от визита к своему дядюшке, Георгию Романовичу. Мы с ним хорошо поговорили. Вдруг он спросил меня: «А слушал ли ты когда-нибудь второй концерт Рахманинова для рояля с оркестром?»

Я знал о том, что в России есть, а точнее был, такой композитор Рахманинов. Знал, что после революции он эмигрировал в Америку. Отец пару раз исполнял нам с сестрой его небольшие фортепианные произведения. Но концерт... где я мог его слышать? Естественно, что мой ответ был отрицательным.

Реакция дядюшки была неожиданной. Я был посажен у большого старинного граммофона. И он изрек: «Ну так внимай тому, что написал этот композитор. Иначе ты можешь никогда так и не услышать самого замечательного произведения русской классики. Потому как этот концерт теперь под запретом, как и сам Рахманинов». Дядюшка накрутил ручку граммофона, поставил иглу на пластинку, а сам пошел разогревать мне обед.

Прозвучали могучие аккорды, и, забыв про все, я начал слушать это новое для меня музыкальное творение. Сказать, что концерт произвел на меня сильное впечатление, означало ничего не сказать. Он меня очаровал. Все время, пока я его слушал, я находился в состоянии какого-то душевного восторга, о чем тут же сказал своему дяде и, конечно, поблагодарил его за этот музыкальный подарок. Об этом эпизоде можно было бы и не вспоминать, если бы он не оказался связан с тем событием, свидетелем которого я стал на той самой Московской улице в Пензе 28 августа 1944 года.

Шагая по ней в ту ночь, я уже давно догадался, что где-то там, впереди, возможно на той самой площади, к которой я иду, установлен радиорупор, который, как было принято в те времена, служил для объявления воздушной тревоги. Но когда налетов не было, он передавал

военные сводки, последние известия и музыку, соответствующую военному времени. Пока я шел от вокзала, я все время слышал где-то там, впереди, голос диктора.

И вдруг неожиданно из этого самого радиорупора раздались мощные, удивительно знакомые мне аккорды начала второго концерта для рояля с оркестром Сергея Рахманинова, который я днем раньше слышал у дядюшки в Москве... Это было совершенно неожиданно. И непонятно: с чего бы?! Ведь творения композитора в СССР были запрещены для исполнения. Между тем концерт продолжался, и я не только узнал, что именно исполняется, но мне даже показалось, что я помню его наизусть.

До дома, где жили родители, я добрался только в шестом часу утра. Встреча была радостной. Все были здоровы. Я, конечно, заинтриговал их рассказом о ночной трансляции концерта Рахманинова. И отец на следующий день, будучи в Пединституте, попытался узнать, что же это было.

Объяснение этому событию дал ректор института, утром побывавший в областных руководящих структурах. Он сообщил коллегам примерно следующее: находящийся в США Сергей Рахманинов с началом Великой Отечественной войны инициировал регулярные концерты русской музыки с участием созданного им оркестра. Все сборы от этих концертов направлялись на приобретение медицинских инструментов и лекарственных средств для отправки в СССР, для армии, ведущей бои с немецкими войсками. Когда эта поддержка стала достаточно внушительной, Сталин обратил на нее внимание. И дал указание поощрить Рахманинова, исполнив одно из его произведений по советскому радио.

Как тогда говорили, время передачи было выбрано таким образом, чтобы в Америке была вторая половина дня и композитор мог услышать эту трансляцию, будучи приглашен в посольство СССР. Тот факт, что этот концерт не будет услышан отечественными поклонниками композитора, судя по всему, никого не волновал. А может быть, даже был и «на руку».

Что же касается меня, то я считаю, что мне крупно повезло. Я оказался невольным свидетелем этой необычной поощрительной акции. Более того, я мог теперь гордиться тем, что слушал исполнение концерта одновременно с самим композитором. С тех пор этот концерт занял в моем «музыкальном приобщении» особое место, а сам я на всю жизнь стал поклонником музыкального творчества Рахманинова.

Поздним вечером следующего дня я выехал из Пензы в Алма-Ату. Шел третий год войны.

05.01.2021 г.

*Завершение учебы в Ленинграде.
Непростое возвращение*

Наступил май месяц 1945 года, и в столицу Казахстана, в Алма-Ату, вместе с ним пришло лето. Сводки Совинформбюро о положении на фронте, которые мы каждое утро старались услышать, свидетельствовали о том, что война близится к своему долгожданному завершению. Хотя обстановка там, несмотря на открытие второго фронта и высадку английских и американских войск на западном побережье Европы, оставалась напряженной. В сводках говорилось об отчаянном сопротивлении немецких частей. Правда, уже на территории Германии.

8 мая по городу поползли слухи, что в Берлине подписан акт о капитуляции Германии. Источниками слухов были артисты московских театров, эвакуированных сюда во время войны. Вопреки общему правилу о запрете использовать во время войны радиоприемники, у них они были, и они имели возможность в помещении театра слушать иностранные передачи.

Но пока это были слухи. И только на следующее утро, 9 мая, они обрели реальность. Жил я тогда у своей двоюродной сестры Музы вместе с ее двумя сыновьями. Проснулись мы утром от пистолетных залпов, которые гремели в окнах дома напротив (там жили работники милицейских служб города). И мы поняли, что пришла Победа!

Несколько позже стало известно, что акт о капитуляции действительно был подписан в Берлине 8 мая. Но Сталин решил подстраховаться, опасаясь провокаций со стороны немцев. Поэтому в Советском Союзе о Победе и о подписании акта о капитуляции немцев было объявлено на сутки позже. И праздник Победы мы теперь отмечаем так же, со сдвигом на один день.

О том, как алмаатинцы отмечали это событие, можно рассказывать долго, это было воистину народное ликование «со слезами на глазах». По улицам шли толпы людей, судя по плакатам, собранные на предприятиях, хотя на колонны они были очень мало похожи. Оркестры тоже появлялись, но организованного шествия не было.

Некоторые просто выходили на улицу и стояли возле своих домов. Там слышались и поздравления, и всхлипывания, и рыдания. Никаких организаторов этого действия не было видно.

Это была не демонстрация, а скорее стихийное хождение по городу огромного числа людей разных возрастов, плохо представляющих себе, как еще можно выразить свои чувства в этот долгожданный день. И шли неважно куда, с гармошками, аккордеонами, дудками и немалым

количеством спиртного. Не было видно ни одного военного или милиционера. Но ни одного уличного происшествия мы не видели. Не слышали мы о подобном и на следующий день.

Наша студенческая группа вначале собралась на квартире одной из студенток, но потом и мы, как все, присоединились к гуляющим по улицам. И продолжалось это хождение до глубокой ночи. Вот так отметили этот день...

У нас, студентов, будущих ленинградцев, к праздничному настроению присоединялось понимание того, что теперь нам предстоит покинуть этот город, где проходили наши студенческие дни последние два года. И кто знает, удастся ли нам когда-нибудь повидать его снова. И мы оказались в своих размышлениях недалеко от истины.

Не прошло после этого события и двух недель, и мы еще не пришли в себя от связанной с ним радости, как стало известно, что дана команда из министерства на возвращение нашего института в Ленинград. Это существенно добавило радости. Едем домой! Начались сборы в дорогу.

И тут неожиданно меня вызвали в деканат и сказали, что я пока в Ленинград не выезжаю. Это связано с тем, что я включен в группу студентов, которая должна выполнить обязательство института перед местным совхозом и обработать какой-то массив огородных культур.

Деваться было некуда, и наутро я отправился на станцию Алма-Ата-1, где находился и совхоз, и корпуса техникума, в котором все эти четыре года размещалось руководство института и второй факультет — «Организация эксплуатации железных дорог». Там нас собрали в одной из аудиторий, где были расставлены кровати, и предложили обустроиваться.

Группу возглавил великовозрастный студент Григорий Порох. Он был известен нам как председатель студенческого профкома. Поскольку он был старше нас, то с нами особенно не общался. Кто-то говорил о его связях с органами НКВД. Словом, это был какой-то таинственный тип.

Под его руководством мы стали ходить на огороды совхоза с тяпками и граблями. А в это время эшелоны со студентами, преподавателями и учебным оборудованием отходили один за другим от станции Алма-Ата-1 в Ленинград. Нас кормили в совхозной столовой один раз в день, в обед. А вечером мы разъезжались кто куда, до позднего времени. Ночевать полагалось в нашей аудитории.

Я бывал в это свободное время в семье моего двоюродного брата, играл с их воспитанниками — Левой и Надей. Следует пояснить, что дети Назаревских были приемными. Жена Олега Сара не могла иметь детей из-за сложного порока сердца. Лева был взят в семью Назаревских

от одинокой матери, которая была кузиной Сары. А Надя была дочерью сестры Олега Лили, которая работала на станции Матай, недалеко от Алма-Аты. Она умерла в 1941 году от тифа, а муж ее пропал без вести на фронте. Олег и Сара взяли девочку к себе, удочерили. Я водил ее каждый день вечером из детского сада домой, к Назаревским.

Продолжал я посещать в то огородное лето и русский драматический театр. Играли там эвакуированные из Москвы и Киева артисты. Спектакли я смотрел по сложившейся у меня тогда традиции прислонившись к косяку боковых дверей зала, изображая сотрудника театра. Деньгами на билеты я не располагал и, соответственно, места в зале у меня не было. Но в зал я проходил легально, через служебный вход, с помощью гримера театра — моего соратника. С его гримом я играл (и довольно долго) на выездных спектаклях, будучи участником драматической студии института. Туда-то этого гримера и приглашали, там мы с ним и подружились.

Однажды он подошел ко мне во время спектакля, очень взволнованный. Это было 6 августа 1945 года. Я уже говорил о наличии радиоприемников в театрах в те годы. Пока шел спектакль, у моего друга-гримера было время, чтобы «полазать по эфиру». Так ему стало известно о бомбардировке японских городов атомными бомбами. Он отнесся к этому событию очень серьезно и решил поделиться своими впечатлениями со мной. Тихо пройдя в зрительный зал, он шепотом, прямо у двери, где я располагался, рассказал мне об этой атомной бомбежке. Таким образом, в Алма-Ате я узнал об этом событии одним из первых. Свое сообщение он дополнил словами о том, что в этот день человечество сделало свой первый шаг к самоуничтожению. И он безусловно был прав. Его комментарий произвел на меня сильное впечатление. И мы с ним после спектакля еще долго говорили о событиях на Востоке.

Между тем наша непонятная работа в совхозе продолжалась. И у меня, как и у моего приятеля Володи Будде, с которым мы незадолго до этого подружились, начали усиливаться сомнения по поводу достоверности названных нам причин нашей задержки в Алма-Ате.

Уже на второй или третий день работы в совхозе мы, как люди достаточно наблюдательные, начали понимать, что наш труд был никому не нужен. Поэтому, продолжая ходить на овощные плантации, мы начали системный поиск объяснения, почему институт оставил в Алма-Ате нашу группу.

После более внимательного анализа состава нашей команды «отверженных», непринужденных бесед с каждым из них, до нас постепенно

стали доходить причины наших злключенияй. Мы с Володей оказались в числе тех, кому Ленинградские органы НКВД не выдали пропуск на въезд в город.

В составе нашей группы оказались ребята, которые находились под следствием по статье 58 — «антисоветская деятельность». Сюда относились те, кто был замечен в рассказывании политических анекдотов. В центре самого крупного расследования по доносу доцента кафедры марксизма-ленинизма был известный у нас остряк Ткачуковский и большое число свидетелей и соучастников его «преступных тусовок». Был и еще один любитель поострить на любую тему, но из другой группы. Там тоже был свой «кортеж». Следствия по этим делам не были завершены, и из-за этого в Питер их не пускали. Органы питерского НКВД не хотели возиться с неоконченным следствием казахских коллег.

Вторую группу из трех человек составляли переселенцы из Прибалтики, которые в 1941 году вместе с родителями бежали от германских войск. Они были по национальности евреями, их родители — крупными предпринимателями. Не возникало сомнений, что их социальное положение стало препятствием для въезда в Ленинград. Обстановка прояснялась!

Оставались еще два человека — это мой новый знакомый Володя Будде, с которым мы проводили этот анализ (в дальнейшем он переименовал фамилию на Морев), и я. За период учебы не было ни одного порочащего меня факта, к которому могли бы придаться органы НКВД. Как говорилось тогда: «Не был, не участвовал, не оставался, не привлекался». И вот на тебе, не пускают.

И тут нам помог великовозрастный руководитель нашей группы. Он внимательно наблюдал за нашим расследованием. И сообщил нам причину отказа в отъезде в Ленинград. Дело было в наших с Володей Будде немецких фамилиях. Вот уж до чего я, например, никак не мог додуматься. Всю войну никто к нашей фамилии не проявлял интереса. Намаившись с немцами, проживающими в Питере, среди которых кое-кто подыгрывал немецким войскам, питерские особисты решили больше в город на Неве немцев не пускать. Даже коренных петербуржцев. Даже русских с немецкими фамилиями. Вот такой итог войны! Что же теперь делать?

На наше счастье, с немецкой фамилией в институте оказался, помимо нас с Володей, заведующий кафедрой радиоэлектроники профессор Рамлау. Единственный в Министерстве путей сообщения специалист по использованию радиосвязи на транспорте. Причем стопроцентный немец. И, разумеется, именно из-за него в первую очередь ректор

нашего института и помчался в Москву, чтобы упросить министра ходатайствовать в НКВД о допуске этого ученого-немца в Питер. Наряду с этим он вез с собой доклад о том, что из-за задержки в Алма-Ате 20 студентов с факультета автоматики срывается выпуск специалистов-выпускников в 1948 году.

Поскольку вопрос в Москве решался на высшем уровне (на уровне министров, включая Л. Берия), все разрешилось благополучно. Дали согласие на возвращение и профессора Рамлау, и нас с Володей, и всей последственной бригады.

Надо ж подумать, моя немецкая фамилия едва не оставила меня без окончания института, без права вернуться в город, где я родился. Это был тот кондовый «политический сыскной азарт», который в каждом необычном имени, фамилии или мнении усматривал опасность для государственных устоев.

Через два дня поступила команда грузиться в эшелон, предназначенный для возвращения из эвакуации семей — жителей западной части страны, с последующей перцепкой нашего вагона на Питер в Москве.

Вот такая оригинальная, измученная ожиданиями компания собралась в путь в долгожданный Питер. Мы заняли места в обычном двухосном грузовом вагоне, оборудованном нарами. Причем Григорий Порох, наш профсоюзный лидер и человек, имеющий какое-то отношение к органам безопасности, ехал с нами.

В остальных вагонах эшелона размещались семьи, которые возвращались из эвакуации в освобожденные города и села западной части страны. Это были главным образом женщины и дети. Словом, это был один из тех эшелонов, которые тогда в шутку называли «500 веселыми», где жизнь пассажиров никто не контролировал, не следил за их охраной, не заботился об их безопасности. В отличие от начала войны, жизнь и благополучие этих счастливых, возвращающихся домой, были отданы им самим «на откуп». Эшелон загрузился в течение двух часов прямо на перроне Алма-Атинского вокзала и отправился на северо-запад.

Дорога пролегла по югу Казахстана, мимо Аральского моря, тогда еще не пересохшего. Мы покупали или меняли на яблоки сушеную или копченую рыбу. Покупали соль. Потом где-то под Пензой меняли эту соль на масло. Такое вот было «рыночное» путешествие. Надеялись на этом что-то заработать.

Характерная шутка того времени выглядела так. Студент едет в подобном эшелоне, лежа на верхних нарах, в ужасно дурно пахнущих носках. Дама, сидящая внизу, спрашивает его: «Молодой человек!

Вы, вообще-то, носки меняете?» — «Только на сахар», — в полусне отвечает он.

Но были и другие впечатления. Навстречу нам, в направлении Алма-Аты и далее по Турксибу на Дальний Восток, мчались встречные эшелоны с танками, артиллерией, с огромным количеством грузовиков и всякого военного имущества в очень хорошем, боеспособном состоянии. На платформах и в вагонах сидели солдаты при орденах, поющие (с аккордеонами), смеющиеся и разглядывающие с любопытством наш эшелон. Это были полнокровные боевые части, которые завершили Великую Отечественную. Огибая Казахстан с юга, они двигались к границам Маньчжурии, где шли бои с японской армией. Их веселое настроение объяснялось, видимо, тем, что сама война на Дальнем Востоке была уже в основном завершена. Советские войска зачищали занятые японцами маньчжурские и китайские территории. Освобождали Сахалин, Курильские острова, когда-то захваченные японцами.

Проходящие эшелоны производили сильное впечатление своей мощью и бодрим настроением солдат. Это было совсем непохоже на тех солдат и технику, что проходили мимо меня в Ленинграде на финский фронт семь лет назад. Не были похожи эти солдаты и на ополченцев, которые отправлялись в 1941 году от нашего дома под Лугу навстречу немецким войскам.

Наш эшелон шел быстро, почти без остановок. Тем не менее его успела вычислить какая-то банда. После Аральского моря она села на крыши наших вагонов. Их было человек десять. В основном это были подростки. Главарь банды средних лет бегал по крышам на одном костыле, перепрыгивая с вагона на вагон, и руководил грабежом. Члены банды были разбиты на тройки. Двое держали третьего за ноги, а он, залезая головой в маленькое окошко товарного вагона, вытаскивал крючком вещи пассажиров. В тех местах, где поезд шел по кривому участку пути, мы хорошо могли видеть, как бесчинствуют эти подонки. Решение было единодушным. Бандитов надо с эшелона снять!

Мы ждали остановки. Был разработан план операции. Руководство, естественно, взял на себя Гриша Порох. Кстати, сам он, хорошо помню, был тогда очень похож на человека с уголовным прошлым. Остановку поезд сделал на станции Саксаульская. Бегом окружив вагоны, на которых сидели бандиты, мы застали их врасплох, сбили камнями на землю, отобрали у них ножи, ключи от вагонов, крюки, похищенные вещи, серьезно избили и... отпустили. А что мы могли еще с ними сделать на пустынной маленькой станции возле Аральского моря? И лишь с главарем случилось непредвиденное и незапланированное.

Старый безногий бандит хотел напугать наших ребят и кинулся сзади на нашего коллегу Севу Андреева с ножом. Нож удалось отобрать, но, когда бандит стал удирать, разъяренная группа наших ребят загнали его в угольную яму и, судя по всему, добились его там кусками угля. Сам я этого не видел. Я в это время с другой группой бежал в противоположный конец эшелона, где на крышах сидели одиночные «пассажиры». Мы снимали их с крыш, проверяли и отпускали. Это были случайные «зайцы». А когда мы вернулись, в вагоне все уже придерживались мнения, что бандит с костылем убит. Вот такой был трагический финал!

Когда мы улеглись на нары и успокоились, то начали осознавать, что скоро отсюда не уедем. Эшелон подозрительно долго стоял. Минут через тридцать из-под вагона вынырнули две форменные фуражки. Это была откуда-то появившаяся милиция. Они потребовали «старшего». Пошел, естественно, Гриша, и разговаривали с ним долго. Затем, прихватив все отобранные нами у бандитов фомки, крюки, отмычки, ножи, пошли с нашим Гришей Порохом на станцию. Прошел еще час. Наконец Григорий вернулся, и поезд почти сразу же тронулся в путь. О чем Гриша говорил в милиции, он нам не сообщил.

На следующий день благодарности от женщин эшелона не было предела. Украденные вещи мы им утром вернули. Нас угощали вкусной едой, фруктами, рыбой и т. п. Мы стали героями дня. Раньше на наши выходы на перрон поглядывали с опаской. Честно говоря, мы вели себя во время этих прогулок не очень интеллигентно. Но теперь с нами здоровались из каждого вагона.

Неожиданно мы узнали, что наш эшелон пройдет от станции Куйбышев южным путем через Пензу. Это был соблазн. Я не удержался и в Пензе слез с эшелона и задержался до вечера. Удалось повидать своих. Это был мой второй заезд в Пензу. Но уехать оттуда нормальным способом не удалось. Билетов на продолжение пути не оказалось. А нагнать мой эшелон было необходимо. Пришлось ехать до Москвы сначала на подножке пассажирского вагона, потом в туалетном коридорчике, а затем на переходной площадке. «Акробатические трюки на открытом воздухе» были на уровне цирковых. Выполнял я эти трюки втроем с какими-то парнями. В итоге мы оказались на переходной площадке.

Парни скоро сошли, но время и дальше пролетало незаметно, так как на переходную площадку под Тамбовом подседа группа парней и девушек — московских студентов, которые возвращались с уборки картофеля домой. Они накормили меня отличной вареной картошкой, обращая ко мне с московским выговором: «Кушай, дарагой». Мы пели песни и рассказывали веселые истории.

В Москву поезд пришел часов в пять вечера. Я быстро нашел свой вагон на путях сортировочной станции. Выяснив время отправления на Питер, помчался в город, на Красную площадь. В этот день отмечалась победа над Японией, которая была союзником Германии во Второй мировой войне. Рузвельт с Черчиллем уговорили Сталина помочь им завершить войну на Востоке. Это было 4 сентября 1945 года. Красная площадь и прилегающие к ней улицы были забиты народом. Я впервые увидел салют в сочетании с фейерверком на фоне кремлевских стен. Портрет Сталина в небе, освещенный прожекторами, подогревал труднопередаваемую радость людей. Это было нечто, что, очевидно, является содержанием словосочетания «народное ликование». В этот день была поставлена точка во Второй мировой войне.

На следующий день мы прибыли в Ленинград.

Как можно стать отличником

Первые два года учебы в институте, который находился в эвакуации в Алма-Ате и размещался в помещениях местного железнодорожного техникума, я вспоминаю без особой радости. Первый год прошел в постоянном ощущении собственной неполноценности из-за низкого уровня моих знаний в области естественных и точных наук, которые лежали в основе дисциплин, изучаемых на первых двух курсах. В этом сказался результат моего заочного обучения в старших классах школы и сдачи экзаменов экстерном. Теперь приходилось вновь и вновь обращаться к школьным учебникам, чтобы понять содержание лекций, которые я слушал, и выполнить лабораторные работы, которые составляли практическую часть курса. Пятерки были редким исключением, появились тройки. Настроение было неважным, было стыдно перед коллегами-студентами.

Отдыхал я душой в театральной студии, созданной профсоюзом института, где художественным руководителем оказалась эвакуированная из Москвы вместе с труппой Малого театра известная заслуженная артистка Елена Николаевна Заболоцкая. И театр, и самодеятельное лицедейство я любил еще с детства, со школьных спектаклей, организуемых моей мамой — библиотекарем школы. И в студии у меня как-то все хорошо получалось. Здесь сложился хороший состав любителей-студентов и преподавателей. Ставили миниатюры Чехова, современные пьесы, готовили концерты для госпиталей. Выступали не только в институте. Кроме госпиталей нас приглашали в школы, на предприятия, в больницы. Выглядели мы стараниями Заболоцкой достаточно профессионально. А со временем Заболоцкая стала поручать

мне проведение репетиций перед спектаклями, рассматривая меня своим ассистентом. Эта театральная жизнь, отнимавшая не так уж много времени, была важной отдушиной для улучшения душевного состояния в учебном процессе, в котором надо было догонять ушедших далеко вперед моих однокурсников. Но это оказалось чревато. Потому как, перейдя на второй курс, я все меньше стал вспоминать о моих учебных делах... И однажды чуть не перешел на работу в ТЮЗ (Театр юного зрителя). Он создавался в то время в Алма-Ате, несмотря на войну. Спасибо декану факультета профессору Яблонскому, который, узнав тогда о моих увлечениях, привел меня в чувство! Но в Ленинград я привез с собой немало троек в зачетке и «хвостов» за второй курс.

Между тем пришло отрезвление и понимание того, что все-таки все надо было решать в свое время. А сейчас нужно кардинально поправлять дела с учебой в институте. И уже на третьем курсе, после возвращения в Ленинград, мне удалось выправить положение. Хотя это потребовало огромных усилий и времени. Многих часов работы в институтской библиотеке.

В то время я основательно сошелся с одним из моих сокурсников — Сашей Аркадьевым. Познакомились мы с ним еще до начала учебы в институте, когда я с родителями приехал в Алма-Ату. Именно он посоветовал мне поступить учиться на подготовительное отделение ленинградского института. Теперь же мы сошлись с ним на том, что наши проблемы в делах учебных во многом совпадают. Он, как и я, нахватал троек на втором курсе. Правда, у него для этого были совсем другие причины, очень непохожие на мои. Весь учебный год он провел, постоянно посещая следователя НКВД в качестве свидетеля по делу его приятеля, студента нашей группы Кадика Ткачуковского. Я об этом уже писал.

Подробного обсудив сложившуюся у нас обоих ситуацию с успеваемостью, мы нашли достаточно прогрессивное, на наш взгляд, решение. Оно заключалось в совместном освоении учебных курсов, прежде всего с целью успешно сдать экзамены.

Мы нашли способ, как в кратчайший срок избавиться от значительного количества «хвостов», привезенных из Алма-Аты в виде невыполненных лабораторных работ. Решили применить как временную меру принцип «один работает за двоих». Но познавательный процесс не упрощался. Тот, кто выполнял «лабораторку», не только передавал копию отчета напарнику, но проводил с ним полноценное обсуждение содержания работы. Мы читали пособия по теме этих работ, которые находили в библиотеке. Ходили на консультации. Посещали лекции.

И когда наступала экзаменационная сессия, подготовку к экзаменам мы осуществляли по тому же принципу, что и с лабораторными работами. Каждый из нас штудировал «свою» половину курса, докладывая ее содержание коллеге, отвечая на все его вопросы и рисуя наглядную часть. Такая работа перед каждым экзаменом продолжалась в течение трех дней. На четвертый день (а на подготовку к экзамену давалось четыре дня) мы собирали все конспекты и шли в общежитие. (Следует пояснить, что занимались мы на квартире Аркадьева, в районе площади Льва Толстого.)

Придя в общежитие и расположившись в моей комнате, где я жил вместе с моим другом, старшекурсником В. Пономаревым, мы широко объявляли сокурсникам, что можем дать консультации по темам предстоящего экзамена. Коллеги-студенты охотно собирались в моей комнате, и начинался сеанс вопросов и ответов. Мы старались наиболее полно на них отвечать. Такое общение продолжалось до позднего вечера. Утром следующего дня мы входили в аудиторию для сдачи экзамена первыми и получали ожидаемые нами пятерки. Так мы оба с первой сессии третьего курса стали отличниками и начали получать повышенную стипендию. Наш тандем продержался до пятого курса включительно. В итоге мы с Аркадьевым действительно знали материал и готовы были даже предложить что-то свое. И не преминули сделать это в своих дипломных проектах.

Жизнь институтская

Надо сказать, что мои отношения с сокурсниками складывались непросто. Слишком по-разному прошли наши школьные годы до поступления в институт. Мое отрочество проходило не среди сверстников, а в окружении людей старшего и пожилого возраста, с которыми я вместе работал, выполняя те же профессиональные обязанности, что и они. Я рано повзрослел, и мне трудно было теперь вписаться в молодежную институтскую тусовку. А она, в свою очередь, с большой осторожностью воспринимала меня.

Несколько позже судьба помогла мне найти в новом окружении друзей, общение с которыми продолжалось в течение всей моей жизни. Но тогда я еще чувствовал себя в этом мальчишнике довольно неуютно. И попадал в ситуации, которые еще в большей степени отдаляли меня от них. Одна из них сложилась во время поездки за дровами для института, в первые же дни после нашего возвращения в Ленинград.

Уже наступила осень, когда выяснилось, что топить котельную института нечем. Из-за суматохи, связанной с переездом из Алма-Аты, своевременно заготовить топливо на зиму руководство института не сумело. А холода уже давали о себе знать. И тогда в срочном порядке группа студентов, в число которых попал и я, была отправлена в ночь на небольшую станцию за Зеленогорском, чтобы отгрузить дрова для института.

Приехали мы на место утром и под моросящим «через раз» дождем начали грузить вагоны. Дрова представляли собой полутораметровые березовые бревна. Работа шла медленно, а состав следовало до ночи отправить в Питер. Еды никто с собой не взял. А морось не прекращалась, и ребята под тяжестью обстановки кисли, прятались в вагонах. Завхоз нервничал, ругался. Тем не менее часть вагонов была уже погружена и отправлена.

Но с наступлением темноты ребята «дрогнули» и на подошедшем к станции пригородном поезде уехали в Ленинград. Я не видел, как они уезжали. Сам я по поручению завхоза в то время оформлял документы на отправку готовых вагонов. У меня тогда этот отъезд вызвал некоторое удивление. Как же можно бросить порученное дело и умчаться домой!

Завхоз в ужасе перед срывом отправки дров тут же позвонил в институт и сидел в полной растерянности. А я решил посмотреть, много ли работы осталось, и прошел вдоль вагонов, которые стояли на погрузке. И мне показалось, что не так много. Тогда я предложил завхозу поработать вдвоем. Он ужасно обрадовался, и мы начали таскать бревна в вагоны. На завхоза было грустно смотреть. Он все время кого-то обвинял, ругал руководство института, но работу не прекращал. Я работал молча. Для меня такая работа не была чем-то необычным. Там, где мне приходилось работать в эвакуации, и условия бывали похуже, и груз был потяжелей. И никто не считал это чем-то чрезвычайным.

Словом, в течение шести вечерних часов, захватив время за полночь, мы вдвоем догрузили пять оставшихся вагонов и оформили их отправление. Около двух часов ночи, уставшие, промокшие, но успокоенные, мы выпили по кружке горячей воды, выпросив ее у дежурного по станции, выжили в зале ожидания прямо на полу и уснули.

Утром, когда мы еще спали, ранним поездом к нам на выручку прибыл заместитель директора института. Его сопровождало шестеро парней, которых ему удалось вечером найти в общежитии. Но делать уже было нечего.

С этого момента моя адаптация в студенческое сообщество еще более усложнилась. История с дровами вскоре стала известна многим, но отнюдь не приблизила меня к моим коллегам-студентам. Правда, и какой-то осуждающей реакции я также не почувствовал. Просто меня по-прежнему отделяли от стихийно складывающихся на курсе тусовок.

Я не очень переживал по этому поводу, поскольку у меня в те времена было очень мало свободного времени. Я постоянно где-то работал. Стипендия была мизерной, а родители не могли в то время оказывать мне материальную поддержку. Первый перевод я получил, когда начал писать диплом. А они к тому времени переехали по приглашению правительства Эстонии в Таллинн и существенно улучшили условия своей жизни.

Что же касается моих контактов на курсе, то наладить приятельские отношения с большей частью моих однокурсников, как это ни странно, помогло мое возвращение в сферу студенческой эстрадной самодеятельности. Приведя в порядок свои учебные дела, я рискнул вновь вернуться к старому увлечению сценой. Тем более что в этом увлечении у меня появился весьма талантливый партнер Аркадий Башмет, как он себя называл, а на самом деле Абрам Башмет. Это был мой однокурсник, которому посчастливилось в дальнейшем стать отцом известного альтиста Юрия Башмета. Кстати, я и с его матушкой был знаком. Но это так, мимоходом.

Нам удалось создать небольшой эстрадный коллектив, который выступал на всех праздничных вечерах, превращая их в сатирические «капустники». Мы с Аркадием всегда выступали вдвоем, вели концерт, подражая известным сатирикам того времени. Миниатюры в стихах, прозе и даже с музыкальным сопровождением мы писали для себя сами. Мы становились популярны. Но главное, это не занимало много времени. Как-то нам даже подарили такую эпиграмму:

Их двое, Мейер и Башмет.
Что ж — замечательный дуэт.
Хоть голосов у них и нет,
Зато нахальства на квартет.

Зал всегда был полон. А сколько радости и удовлетворения нам это приносило. Но теперь это уже никак не могло мешать нашим учебным делам.

В институтском комсомоле

На четвертом курсе я как добросовестный комсомолец пришел на отчетно-перевыборное собрание нашей институтской организации комсомола. Оно проходило в начале учебного года. Большой институтский зал был заполнен до предела. В те времена не входило в состав комсомола было как-то протivoестественно.

Сидя в зале и внимая докладчикам, я неожиданно для себя услышал, что меня выдвигают на должность секретаря институтской организации ВЛКСМ. И кто-то даже выступал в поддержку моей кандидатуры.

Это было для меня полной неожиданностью. Меня даже не спросили, согласен ли я. И даже слова на перевыборном собрании не предоставили. Но проголосовали практически единогласно — более четырехсот голосов «за» (из 450). Такое единодушие я объяснял самому себе моим постоянным участием в студенческих «капустниках», юморинах и любительских спектаклях.

Содержание моей жизни с этого момента существенно изменилось. В течение почти двух лет я исполнял функции секретаря институтского комитета комсомола, хотя прежде не имел никакого понятия, чем этот комитет должен заниматься.

Уже став во главе комсомольской организации института, я узнал о том, что мое выдвижение на пост комсомольского лидера было связано отнюдь не с моей художественной популярностью в институте и было предметом долгих дебатов в руководстве института и Комитета комсомола района. Одним из поводов для этих дебатов опять стала моя немецкая фамилия. Но ректор, получавший в августе 1945 года разрешение на возвращение сотрудников и студентов с немецкими фамилиями в Ленинград и знавший мнение об этой проблеме руководителей органов безопасности страны, причем на самых верхах, отверг этот аргумент и дискуссию завершил. И в течение месяца до собрания моя кандидатура была согласована везде, где тогда было необходимо ее согласовать. Только я об этом ничего не знал.

Тем не менее как человек ответственный я старался добросовестно «нести свой крест», старался обогащать комсомольскую жизнь института различными акциями. Меня поддерживали и мне помогали мои друзья. Причем поддержку я ощущал на всех курсах. Мы участвовали в субботниках по восстановлению Ленинграда. Старались приобщаться к культурной жизни города, поддерживая различные акции. Приглашали для выступлений известных кинорежиссеров, писателей. Постоянно куда-то выезжали. А чтобы не было скучно ехать в электричках,

пришлось комсомольскому секретарю разжиться гитарой и научиться на ней аккомпанировать поющим комсомольцам.

Через некоторое время в институте заработал клуб почитателей Маяковского, Блока, Есенина. Его возглавил преподаватель кафедры философии Л. С. Книжник. Был создан клуб знакомства с историей города на Неве. Его работу взяла на себя группа студенток, установивших контакт с музеем Петропавловской крепости. Были созданы и обеспечены всем необходимым шахматный клуб, клуб штангистов, студенческий сатирический театр.

Большой популярностью тогда пользовался Клуб коммунистических идей (изучение истории партии в лицах, история становления нового советского государства). Там мы встречались с известными философами и идеологами. Участие в этом клубе было рассчитано прежде всего на тех, кто собирался вступать в ряды коммунистической партии (а таких было в то время немало). В то послевоенное время идея создания такого клуба была поддержана и свыше, несмотря на риски знакомства с подобными проблемами в дискуссионном пространстве. Но сохранялся послевоенный вольный настрой, и все несколько «распоясались».

Степень опасности, которую несло в себе публичное «копание» в истории партии, особенно после смерти Ленина и убийства Троцкого, исчезновения многих фигур эпохи революционного переворота, была осознана, во всяком случае мною, слишком поздно. К великому огорчению, эта моя затея имела трагические последствия.

Правда, работа самого клуба завершилась вполне благополучно. Почти все комсомольцы — участники дискуссий по доброй воле стали кандидатами в члены партии (ВКП(б)). Тем не менее шеф этого клуба, заведующая кафедрой философии Ирина Максимовна Рубин, через четыре года, уже после окончания наших встреч, по доносу о ее работе именно в этом клубе была в процессе Ленинградского дела 1952 года осуждена и расстреляна, а все члены ее кафедры репрессированы. Включая Льва Савича Книжника, привившего нам любовь к поэзии Маяковского. К счастью, его тогда только выслали из Питера. Он оказался в Сестрорецке, работал учителем школы. Это были годы политической агонии Сталина.

Но все это произошло потом. А тогда мы еще с упоением читали работы Ленина. И, будучи комсомольским секретарем, я оказался в составе так называемой «партийной номенклатуры». Поэтому мне все время намекали на то, что пора бы вступить в большевистскую партию.

Как я тогда относился к партии? В детстве, дома в адрес партии я не слышал чего-то плохого. Возможно, это был результат заботы

родителей о нашем «правильном» воспитании. Сами родители никогда не позволяли себе, во всяком случае при нас, критики в адрес властей. Отец старался приобщить меня к важным событиям в развитии страны, к ее экономическим успехам в те годы. Я знал немало хороших людей, которые были членами партии, в том числе писателей. Сыграла определенную роль и отечественная литература.

Так или иначе, в конце 1947 года я и ряд моих друзей по комитету комсомола были приняты кандидатами в члены ВКП(б). А двумя годами позже, уже в Омске, я стал членом партии. Там я изменил свою фамилию на псевдоним, под которым всю жизнь работал отец.

А вот три года спустя произошло нечто обескуражившее меня, что даже вообразить было трудно. Все наши институтские наставники, преподаватели кафедры марксизма-ленинизма, которые, можно сказать, готовили меня и моих друзей к вступлению в партию и были нашими советчиками по организации комсомольской жизни, оказались репрессированы в рамках инициированного членами Политбюро Берией и Маленковым Ленинградского дела. При этом именно расстрелянная по этому делу Ирина Марковна Рубин в свое время дала мне рекомендацию в партию. В моем представлении все эти репрессированные люди были искренними коммунистами, мечтавшими о светлой жизни страны. Но в их отношении было совершено ничем не объяснимое зверство.

С тех времен я стал относиться к своей партийности очень инструментально. С осторожностью стал участвовать в политической жизни. По принципу «не навреди». Но я не жалел о том, что оказался человеком партии. Я никогда не использовал ее авторитет и возможности в корыстных целях и во зло отечеству и людям. Но много раз за свою «партийную жизнь» использовал возможности своего партийного авторитета и власти для добрых дел. И всегда испытывал глубокое удовлетворение, когда мне это удавалось.

Киев, на родине деда

Учебные занятия постепенно подходили к концу. Приближалась защита дипломного проекта. В 1948 году мне довелось дважды побывать в Киеве. Одна из поездок была связана с подготовкой моего дипломного проекта. Я был направлен на один из киевских заводов, выпускавший продукцию транспортной автоматики.

Во время пребывания там я получил от отца письмо, в котором он поздравил меня с пребыванием в «великом граде — матери городов русских» и впервые сообщил мне, что в Киеве родился мой дед,

Василий Иванович Назаревский, подполковник, герой русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, кавалер орденов Святой Анны, Георгиевского креста, золотого оружия, ряда медалей. О том, что деду было присвоено личное дворянство за героизм в боях, он в тот раз умолчал. Это было первое сообщение родителей о моих предках. Не скрою, оно ошеломило меня. И я впервые почувствовал огромный интерес к истории своего рода. И стал другими глазами смотреть на Киев — как на свой родовой город. Но родители еще долгие годы скрывали от меня все подробности прошлого нашей семьи. Что поделать — в сложное время мы жили!

В Киеве я оказался очевидцем и слушателем еще одной «премьеры» из прошлого. Во время одной из прогулок по Крещатику я услышал из громкоговорителя в исполнении знаменитого тенора того времени Козловского вальс «На сопках Маньчжурии». Я его хорошо знал. Его пели в семье. Это был вальс, написанный в честь участников Русско-японской войны 1904–1905 годов. До того момента этот вальс, и мы это все хорошо знали, был под запретом как наследие царского режима. И вот его реабилитировали, как и музыку Рахманинова, которую «разрешили» слушать уже в 1944 году, во время войны. Я сообщил по телефону об услышанном вальсе родителям. И тут же получил ответ: вальс «На сопках Маньчжурии» — это наша семейная реликвия. Мама сообщила мне, что все три ее брата — Ростислав, Александр и Леонид — были офицерами и участниками сражений на Дальнем Востоке. Причем Ростислав и Александр были тяжело ранены. Всем им были пожалованы высокие награды. Каждый получил золотое оружие и именное дворянство. Правда, о дворянстве мне тогда не сообщили. Боялись. Итак, вальс был реабилитирован. Но моих предков эта реабилитация тогда не коснулась. Вот так, медленно и нерешительно, возвращалось ко мне мое прошлое. В итоге оказалось, что в Киеве родились и жили семь поколений Назаревских — моих предков по линии матери. И каких предков!

Киев во время войны был основательно разрушен. Я это увидел воочию. На центральной улице Крещатике остался лишь один целый дом — Центральный универмаг. Его немцы не сумели взорвать. Несмотря на это, и Крещатик, и сам Киев еще тогда, будучи разрушенными, произвели на меня сильное впечатление. Это воистину красивый город. Он возрождался на глазах. Днепр, изгибаясь вдоль него плавной дугой, выглядел торжественно, узнаваемо, прямо по Гоголю. Его течение с высокого берега просматривалось очень далеко. Тогда я еще не прочитал Булгакова и поэтому не побывал возле его дома. Потом-то походил.

Но посетил храмы, в которых были росписи, выполненные великими художниками России, в том числе Васнецовым.

В Киеве я впервые в жизни попал на крупное действующее промышленное предприятие и работал на нем над своим дипломом. Это предприятие носило тогда название «Трансигнал». Мне разрешили самостоятельно знакомиться с цехами и организацией их работы. Полученные впечатления от реального производственного процесса не только помогли мне разобраться с задачами моего дипломного проекта, но и во многом определили мой интерес к индустриальному труду, к организации производства. В дальнейшем, когда я стал социологом, именно промышленный труд стал предметом моих исследований.

Снова в Сибирь

Незадолго до защиты дипломного проекта будущих выпускников распределяли по железным дорогам страны. Вначале у руководителей института была идея оставить меня как секретаря комсомольской организации при институте с поступлением в аспирантуру. Но затем выяснилось, что жилья они мне предоставить не могут. Жилья в городе я не имел. Квартиру нашу (родительскую) «увели власти».

Во время войны она была приватизирована военным ведомством. А подселаться к кому-либо из знакомых и попадать к ним в зависимость мне тогда не хотелось. К тому же я уже не испытывал страха перед бескрайними просторами нашей страны. Да и уехать куда-нибудь подальше было для молодого инженера делом соблазнительным. Наверное, в душе я был прежде всего романтиком, а не человеком расчета и выгоды. В полном соответствии с популярной когда-то песней: «А я еду за туманом, за туманом, за туманом и за запахом тайги». И что еще при этом немаловажно, о принятом тогда решении я никогда не жалел.

Поэтому на комиссии по распределению, куда меня вызвали, на шуточный вопрос, куда бы я хотел поехать — в Сибирско-Уральский или же в Урало-Сибирский округ, я ответил так же в шутку: «В оба одновременно». Будучи секретарем комсомольского комитета, я уже знал, что министерство обеспокоено укомплектованием специалистами-выпускниками именно этого далекого округа, простирающегося от Перми до Новосибирска. (На всю Омскую железную дорогу, а это 2000 км, было в тот момент шесть инженеров СЦБ и связи при 110 вакансиях.) И я не стал искать других вариантов. Да и куда еще было ехать, где роднее? После того как мы лишились своей квартиры в Ленинграде, родной для меня стала в равной степени вся страна.

После посещения комиссии по распределению меня неожиданно вызвали в отдел кадров, где со мной встретился сотрудник КГБ (такое новое название — Комитет государственной безопасности — вместо прежнего НКВД после войны получили органы безопасности). Мне было сделано предложение «поработать в органах КГБ». Я попросил дать время подумать и отказался. Причин для отказа было две. С одной стороны, я уже настроился ехать в Сибирь и работать по специальности. Но была и еще одна причина — мама по телефону очень просила, со слезами в голосе, не делать такого шага. И она оказалась, конечно, права, учитывая прошлое нашей офицерской семьи по маминой линии. Другой дед по отцу был известный менеджер, Почетный гражданин России с одобрения Николая II. Соответствующий документ об этом хранится и сейчас в Государственном архиве Петербурга. Я получил там его копию в 2007 году. Но я-то об этом ничего не знал. Родители оберегали нас и начали рассказывать нам с сестрой о наших предках только после 1956 года, когда был политически осужден Сталин.

В деятельности моих предков не было ничего противозаконного, криминального. Они честно, верой и правдой, служили царю и отечеству, защищали родину и ее интересы, организовывали и развивали бизнес в России. И мы можем гордиться своими предками. Но в рамках идеологии большевизма эти люди рассматривались как враги народа или в лучшем случае как инородные элементы. Власть боялась их влияния на судьбы России. И слава Богу, что мой переход в КГБ не состоялся. А если бы я все-таки согласился на работу там, а сведения о моих предках стали бы при первой проверке там известны, то в лучшем случае отправили бы меня на Чукотку лагеря караулить. Спасибо маме!

На защите моего диплома присутствовала моя сестра Лада-Ладушка, которая уже жила в Питере и занималась на философском факультете университета, на отделении психологии. Жила она на Петроградской стороне, в общежитии университета, что в Зоологическом переулке, недалеко от Биржевого моста. Она не первый раз уже была в нашем институте. Ее тепло приняла вся наша компания, и она уже считалась «своей».

Диплом мой был не по эксплуатации систем автоматике, а на промышленно-производственную тему. Речь в нем шла об оптимизации производства одного из элементов специального оборудования. Почему мне дали такую тему, не знаю, но в дальнейшем она мне очень помогла, особенно когда я стал, уже будучи социологом, заниматься вопросами

управления промышленным производством — подготовила к пониманию его основ.

Защита прошла успешно. Готовил я свой диплом, работая на Киевском, а также на Тульском заводах устройств автоматики. Описанный мною в дипломе беспорядок в организации производственного процесса на одном из этих заводов вызвал интерес членов комиссии. А были это корифеи автоматики на транспорте. Мне задали очень много вопросов и всё допытывались, какой завод я имел в виду, подвергнув критике организацию технологического процесса. Но я так и не сказал этого, ссылаясь на некорректность такого шага. Уже будучи социологом, я не раз вспоминал этот свой поступок как первый опыт соблюдения принципа анонимности в исследованиях.

Вся моя институтская компания в тот суматошный день оберегала Ладу, поскольку я был весь в пылу защиты. Сестра осталась у нас в общежитии праздновать мое окончание института. Моим друзьям-коллегам Ладочка понравилась. Сожалели, что поздно с нею познакомились.

Уже значительно позже были официальные торжества, были поздравления руководства института. И последняя в студенческую пору моя внеплановая, по зову сердца, поездка в Киев. Там моя внезапно возникшая на 5-м курсе подруга-киевлянка решительно подтвердила свое намерение приехать ко мне на Сибирскую магистраль. И столь же решительно через полгода отказалась от своего слова, узнав, как выглядит эта магистраль на практике, особенно в бытовом плане.

Отъезд

В Урало-Сибирский округ у меня оказались попутчицы — две студентки с моего курса. Мы решили вместе добираться до Свердловска, где находилось управление округа, но ехать вместе довелось и до конечного пункта — Омска, куда мы все трое получили в Свердловске назначение. На календаре был 1948 год.

Места, в которые мне предстояло ехать, после военных перемещений не казались уж очень далекими. А такие города, как Свердловск, Павлодар, Семипалатинск, Омск, уже не казались краем земли. Тем более думалось, что еду туда ненадолго. Как в командировку. Поэтому ехалось легко. Но я ошибался. В свой родной город я вернулся лишь через 56 лет.

Всеволожск, 2015–2021 гг.

На Омской железной дороге (1949–1958)

Транссибирская магистраль (Великая Сибирская магистраль), железнодорожная линия Челябинск — Омск — Иркутск — Хабаровск — Владивосток (ок. 7 тыс. км) связывает Европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Построена в 1891–1916 гг.

Большой энциклопедический словарь, 2004

Небольшое вступление

Чтобы ты, дорогой читатель или читательница, лучше представлял себе, что такое железные дороги, на которых мне предстояло работать после окончания института, я позволю себе сказать о них несколько слов. Тебе, конечно, не раз доводилось ездить в поездах дальнего следования или на электричках. Смотреть в окна на проносящиеся мимо станции, мосты, светофоры и опоры контактной сети. Однако все это представляет собой лишь малую часть железнодорожного хозяйства.

Российские железные дороги недаром называют государством в государстве. Это не только многие тысячи километров стальных путей. Не только станции, мосты, путепроводы, защитные лесополосы, локомотивы и вагоны, светофоры и электроподстанции, мощные средства связи и уникальная вычислительная техника. К железнодорожной «империи» относится и многое другое. Ей принадлежат сотни заводов и ремонтных мастерских, строительных организаций и проектных институтов, стадионы и бассейны, больницы, санатории и детские садики. У нее даже есть детские железные дороги. До недавнего времени в ведении железных дорог находились техникумы и высшие учебные заведения. К ее владениям относились жилые дома в городах и поселках, а также школы. В то время, когда я работал в этой системе, у железнодорожников была даже своя прокуратура, милиция и охрана.

На рабочих местах этого транспортного гиганта трудятся, учатся и творят его завтрашний день миллионы людей. Не знаю, как сейчас, но во времена моей инженерной молодости в стране каждый десятый работающий был железнодорожником.

Научно-технический прогресс не обошел стальную колею. Уже давно ушли в небытие паровозы. Их сменили современные электровозы и тепловозы. С каждым годом поездов становится все больше, и движутся они все быстрее. Управлять этим потоком становится все более сложно. На помощь приходят новейшие устройства автоматики и телемеханики. Они облегчают труд людей. Но не только. Они еще и контролируют их действия. Как говорят специалисты — обеспечивают «защиту от дурака».

К концу минувшего XX столетия устройства телемеханики ликвидировали на железных дорогах профессию стрелочника. Сегодня «списать ошибку на стрелочника» можно только в переносном смысле. Диспетчер или оператор сам переводит стрелки, которые находятся иногда за сотни километров от него. Причем автоматика (автоматический контроль) не позволяет им допустить ошибку. Она не даст выполнить их команду, если они попытаются принять поезд на занятый путь или пустить его по неверному маршруту.

Когда на одном и том же участке находится несколько поездов, автоматические устройства не только не позволят им сблизиться на опасное расстояние, но и остановят тот поезд, машинист которого почему-то не затормозил перед красным сигналом светофора.

Проектирование, сооружение и эксплуатация таких систем безопасности и составляют суть профессии, которой меня обучали в институте и специалистом которой я был выпущен из его стен. Профессия называлась несколько старомодно, но именно так она вписана в мой диплом: «Сигнализация, централизация и блокировка (СЦБ)». На современном языке это означает не что иное, как «автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте».

Для обслуживания устройств телемеханики и автоматики на железных дорогах созданы специализированные эксплуатационные предприятия. За каждым из них закреплен определенный участок дороги (дистанция). Называются они «дистанциями СЦБ» с добавлением номера (первая, вторая). В том случае, когда такой дистанции поручается обслуживание еще и средств связи, ее называют «Дистанции СЦБ и связи». В телеграфном варианте такие эксплуатационные подразделения обозначаются буквами «ШЧ». И для упрощения разговорной речи люди называют место своей работы именно этими буквами («Я работаю в ШЧ-1»).

Чтобы ты, читатель, не подумал, что такая буквенная вакханалия придумана только для служб автоматики и телемеханики, сообщая тебе, что путейцы имеют свою аббревиатуру — ПЧ, локомотивное хозяйство — ТЧ, вагонное — ВЧ, энергетики — ЭЧ. Более того, этой же аббревиатурой именуется и руководители этих предприятий, их

должности. У связистов-автоматчиков начальник — ШЧ-1 или ШЧ-3. А его заместителя называют «Зам ШЧ». Вот в царство этих буквосочетаний мы и отправились после окончания института.

1948 год.

Прибытие в Омск

Как я уже упоминал, у меня оказались две попутчицы к месту работы. Это были мои сокурсницы, которые, как и я, получили назначение в Урало-Сибирский округ. Уже к 10 августа 1948 года мы прибыли в г. Свердловск (теперь он называется Екатеринбургом, как и до 1920 года). Управление округом находилось недалеко от вокзала, в большом здании. Были мы там недолго. Нас ни о чем особенно не спрашивали. Сказали лишь, без обсуждений, что назначены мы будем на Омскую железную дорогу.

Что представляла тогда собой эта дорога? Это была западная часть Транссибирской железнодорожной магистрали. Посмотрите на карту России и найдите на ней г. Курган, расположенный восточнее Челябинска, а затем Новосибирск. Так вот участок Транссибирской магистрали между этими сибирскими городами, протяженностью около 1500 километров со всеми ответвлениями, и есть Омская железная дорога.

После часа ожидания нам выдали документы о направлении на работу и билеты до г. Омска, где находилось управление дорогой. И мы благополучно туда прибыли, проведя предварительно ночь на Свердловском вокзале. Зал ожидания был переполнен. Сесть было негде. Выручила моя новая железнодорожная форма, которую я приобрел перед самым отъездом. Нас пропустили в служебное помещение, и мы там спокойно продремали до поезда.

Дорогу до места назначения я за годы войны уже проехал дважды. Поэтому места, по которым мы проезжали, были мне знакомы. В 1941 году я с родителями ехал по этой дороге в эвакуацию, мимо тех же станций и городов. В 1944 году еще раз проехал в обратном направлении, следуя из Алма-Аты на работы по восстановлению института. По обе стороны железнодорожного пути расстиались бескрайние западносибирские степи. Лишь местами проплывали небольшие лесные массивы. Переехав реку Иртыш, мы оказались в Омске. Точнее, на станции Омск.

Сам город расположился на правом берегу Иртыша. Его центр находился километрах в трех на север от станции, около места впадения реки Омь в Иртыш. Для пешеходной прогулки это достаточно далеко. Чтобы попасть в здание управления дороги, которое находилось почти

в центре города, нам пришлось долго тащиться на трамвайчике по каким-то пустырям, мимо складов и заборов. Как мы узнали позже, между станцией и управлением дороги в те годы функционировала специальная железнодорожная ветка. Надо же было как-то доставлять сотрудников управления к месту работы. В дальнейшем пользовались ею и мы. Сейчас все это пространство застроено, и город начинается от вокзала.

В управлении нас представили начальнику службы СЦБ и связи. Он оказался однофамильцем известного художника Рылова. Только, в отличие от великого живописца, Александр Павлович Рылов, а именно так звали нашего руководителя службы, произносил свою фамилию, делал ударение на первом слоге. Впечатление, полученное от такого произношения его фамилии, как выяснилось позже, соответствовало его поведению и отношению к подчиненным. Однако вначале, при знакомстве, его величественная фигура, крупное приятное лицо и большая лысина создавали представление о руководителе высокой культуры. Несоответствие внешнего облика и используемого при общении с подчиненными лексикона мы почувствовали позже. При первой встрече шеф был сдержан и немногословен. Более того, в дальнейшем выяснилось, что он мудрый и душевный человек. Вот такие сибирские сочетания.

После непродолжительной беседы нас всех троих оставили в Омске. Мы оказались в распоряжении только что приехавшего в Омск выпускника нашего же института. Но он, будучи практиком, проходил обучение по укороченной программе (на так называемых инженерных курсах). Это был Владимир Алексеевич Шалахов. Он был назначен начальником четвертой дистанции сигнализации и связи (ШЧ-4), офис которой находился на южной стороне станции Омск. В этой дистанции предстояло работать и нам. Шалахов был человек со стажем, с опытом, хорошо представляющий себе обстановку. Он помог нам освоиться на новом месте. До получения жилья мы все вчетвером жили в здании конторы дистанции, заняв там два кабинета. Мужчины, т. е. Шалахов и я, разместились в одной комнате, а женщины в другой.

Я с нетерпением ждал, когда же я начну проходить обязательный для выпускников института тренинг в ранге рядового механика. А такая практика была предусмотрена тогда положением о выпускниках. Мне хотелось быстрее определиться в новом для меня положении. Но мне было уготовано иное начало моей технической карьеры. Меня вызвали в управление дороги и предложили временно заняться работой по подготовке и выверке документации по реконструкции устройств автоматики станции Куломзино (это первая от Омска станция по другую сторону Иртыша).

Пришлось разбираться с проектом реконструкции путевого развития этой станции. Определять невыполненные объемы строительства устройств автоматики. Работы там велись года три назад, еще в конце войны. Теперь было решено их возобновить. Но строители долго не могли разобраться с тем, что сделано, а что нет. В первую очередь речь шла о подземных кабельных работах. На поиске этих «кабельных концов» я был занят в течение трех с половиной месяцев, почти до Нового года. Я выезжал на полевые изыскания, ходил вдоль путей с прибором, напоминающим миноискатель, участвовал в работе бесчисленных комиссий.

Все шло хорошо. Как ни странно, но с моими предложениями считались. Для меня же удивительным было то, что эту работу поручили мне. Неужели на дороге не нашлось инженера с опытом, который, возможно, решил бы все эти вопросы и лучше, и быстрее. Как я понял позже, такого «свободного» инженера действительно не было. На всем протяжении от Кургана до Новосибирска, включая управление дороги, в ту пору работало лишь шесть инженеров с высшим образованием нашего профиля. Даже начальник службы, с которым мы общались в день приезда, как выяснилось позднее, окончил только техникум связи.

После Нового года, когда все проблемы с возобновлением строительства были решены, вышел наконец приказ о моем назначении дежурным механиком электрической централизации станции Куломзино. Я получил спецодежду — ватные куртку и брюки цвета древесной золы и валенки. В те времена это была стандартная зимняя форма для солдат стройбата, рабочая одежда для работающих на свежем воздухе железнодорожников, строителей, водителей грузового транспорта, а также для «зеков» (заключенных, работающих в лагерях). Главное ее преимущество было в том, что в ней зимой было тепло. Поэтому большинство носило эту одежду постоянно. Ее цвет и форма в значительной степени определяли внешний послевоенный облик городской толпы того времени в Сибири.

1949 год.

Стажировка в должности электромеханика

Станция Куломзино — это «входная» станция Омска, расположенная по западную сторону моста через реку Иртыш. Там я проработал в качестве сменного электромеханика с января по июнь 1949 года. Работал я посменно, по 12 часов. Первые сутки в день, вторые — в ночь, а затем выходной. Служебное помещение, где мы передевались,

отдыхали и выполняли какие-то подготовительные работы, располагалось на первом этаже трехэтажного здания с балкончиком поверху, которое стояло у самых путей почти в центре станции. Такие здания, которые называют «пост электрической централизации», можно и сейчас увидеть на любой большой станции и узнать по круговому балкончику или сплошному застеклению. Верхний этаж занимал дежурный по станции со своими помощниками. Он сидел перед большим пультом, на котором была размещена схема станции, с множеством кнопок и сигнальных лампочек. На втором этаже была аппаратная (наши многочисленные приборы и коммутации, обеспечивающие управление движением).

Мы, сменщики, работали в ту пору в одиночку. Монтеров у нас в смене не было. Однажды это чуть не стоило мне жизни. Работал я в тот раз на подгорочных путях. Это пути, по которым с горки пускают самокатом вагоны, сортируя их. Повернувшись спиной к вершине горки, я небольшим ломиком очищал от балласта и льда трос, идущий от рельса к металлической коробке. Правая нога у меня стояла на рельсе, а левая около коробки. И вдруг сильным ударом в правое плечо меня отбросило в сторону междупутья. Я быстро вскочил на ноги. А мимо меня медленно и бесшумно прокатилась четырехосная платформа, груженная металлом. Нетрудно представить себе, что бы она сделала со мной, если бы моя нога стояла внутри колеи. Это была наука на всю мою остальную железнодорожную жизнь: не находишься в колее, если ты один!

Второе «чрезвычайное происшествие» было у меня связано с недостатком опыта при осмотре состояния станционных устройств автоматики. Делая обход станции в конце дежурства, я просто не обратил внимания на расположившийся рядом с путями экскаватор. Он приступал к работе по копке котлована для строительства какой-то железнодорожной будки. Сдав дежурство, я уехал домой, а уже через час был вызван обратно. Добирался я назад в Куломзино практически пешком, так как электрическая централизация стрелок на станции не работала. Движение приостановилось. Обнаруженный, но не остановленный мною экскаватор порвал всю кабельную магистраль с восточной стороны станции. Кабель восстанавливали сутки, а я получил строгий выговор и остался без премии за этот месяц. Разумеется, я понимал, что «всыпали» мне вполне заслуженно. Это был еще один урок.

Период освоения практической работы рядовым механиком был насыщен у меня и другими, самыми разными неприятностями, которые

тем не менее добавляли опыта. Так, однажды я не сумел в течение дневной смены заменить старый электропривод, предназначенный для перевода стрелки. Пришлось мне сидеть рядом с ним до следующего дня, до прихода старшего механика. Получился такой вот ночной дозор-позор. Эту техническую операцию я выполнял тогда первый раз в жизни. Тем не менее мои коллеги оставили меня одного, считая, что это, мол, полезно «для науки». Разумеется, в следующие разы все проходило нормально. Я освоил эту технологию.

Во всех этих случаях меня радовало то, что каждое ЧП становилось для меня хорошей школой работы в реальных условиях. Это понимали и мои руководители. Они не держали на меня зла и не «выговаривали» за мои промахи. Это помогло мне за время «тренинга» в качестве механика хорошо изучить устройство электрической централизации станции и усвоить технологию обслуживания. И имело для меня огромное значение для работы на дороге в будущем.

Еще до Нового года мы с моими сокурсницами добились предоставления нам жилой площади. Они получили комнату на двоих. Моим жильем оказалась кухня в трехкомнатной квартире, которая уже давно была превращена в жилую комнату. Такой подарок объяснялся тем, что я числился человеком семейным. Получение отдельной комнаты было тогда большой удачей. Семейность моя заключалась в том, что я ожидал приезда моей институтской подруги — Татьяны Торичневой. С ней я подружился на четвертом курсе и у нее жил, будучи на практике в Киеве. Она дала мне слово, что приедет ко мне в Сибирь, как только я обустроюсь. Поэтому я и готовил соответствующий плацдарм для нашего будущего. Как потом выяснилось, ее такой комфорт не устроил.

Получив комнату-кухню, я начал вести другой, более «цивилизованный», образ жизни. Готовил себе еду, чаевничал и обедал дома, даже делал запасы. Последнее было необходимо, так как в торговле постоянно что-то исчезало. Например, крупы, сахар и даже хлеб.

Двухэтажный дом, в котором меня поселили, находился в железнодорожном поселке на южной стороне станции Омск. Культурные центры города были от этого микрорайона существенно отдалены. Поездка в театр превращалась в серьезное мероприятие, отнимающее только на дорогу в одну сторону более двух часов. Причем значительную часть пути надо было идти пешком. Поэтому посещение единственного городского театра было редким занятием. Основным развлечением после работы было чтение книг и прогулки по станционному району.

1948 год.

Меня принимают в партию, и я меняю фамилию

Весной 1949 года завершился мой испытательный срок кандидата в члены коммунистической партии. И я был принят в ее члены. Для меня это было естественным продолжением всей моей предшествующей комсомольской и более ранней пионерской жизни. Мои родители сформировали у меня высокое уважение к своей стране, гордость за ее успехи. Причем не пассивный, а активный патриотизм, когда ты стараешься сделать что-то полезное для окружающих тебя людей, твоей школы, института. Им удалось воспитать в нас чувство сопричастности к возникающим в жизни страны проблемам, готовность помочь своему отечеству в их преодолении. Поэтому участие в политической жизни воспринималось мною как нечто естественное. Мое «двомыслие» не мешало мне воспринимать действительность с большой долей оптимизма. Я был убежден в возможности построения социально справедливой жизни на основе коммунистических идей, в необходимости жертвовать ради этого многим.

Все, что я делал, было пронизано желанием быть добросовестным, полезным для дела, которым я был занят. Может быть, даже для общества, хоть это и слишком помпезно звучит. О своем благополучии я думал в те времена очень мало. Все это логично сочеталось с тем лютеранским восприятием жизни, которое заложила во мне еще моя бабушка: «Труд, честность, скромность, доброта». К тому же я верил в искренность и честность коммунистической политики. Сам я за все годы своей трудовой жизни не украл ни копейки, не взял ни одной взятки, нигде не поступился совестью. Тогда это называлось коммунистической моралью. Ведь мы не знали в те времена об изуверской изнанке коммунистического режима и преступлениях его вождей.

В дистанции, где я работал, мне было поручено вести кружок по истории партии с членами партийной организации. Это поручение я добросовестно выполнял. Участвовал в районных политических семинарах. Следил за политическими событиями.

С вступлением в партию связано еще одно немаловажное событие в моей жизни, которое я задумал еще в более ранние годы. Я сменил фамилию отца Мейер на его псевдоним Тукумцев. Псевдоним был образован на основе названия города, где жили наши прибалтийские предки, — Тукума. Теперь это латвийский город Тукумс, расположенный на западном побережье Рижского залива. С конца 20-х годов отец начал публиковать свои статьи и учебники под этим псевдонимом. Использование немецкой фамилии вызывало у издателей советского периода чувство неуютности. Что касается меня, то, став членом партии,

я обратился в районный комитет партии и получил официальное разрешение районных партийных органов на смену фамилии. Члены бюро и секретарь райкома лишь призадумались над тем, как проще сформулировать причину. Но добро на замену паспорта и партбилета дали.

Мне не хотелось менять свою фамилию до этого. Мне казалось, что это будет выглядеть как попытка приспособиться, замаскироваться при вступлении в партию, спрятать свое происхождение. А ведь этому событию я придавал очень большое значение, мне хотелось быть честным и открытым.

В Омском областном бюро ЗАГС операция по получению документа для замены паспорта заняла не более часа. Мне выдали удостоверение за номером один. В стране появился первый официальный Тукумцев. И это не преувеличение. Мне об этом писал отец. В стране до этого не было зарегистрировано такой фамилии.

Родители мой шаг одобрили. Они так же, как и я, считали, что, сменив фамилию, я избавил на будущее от формальных придирок своих детей. Хотя, конечно, с общечеловеческой точки зрения это не было оптимальным шагом. Это был шаг вынужденный.

Но мне казалось тогда, что у меня нет другого выхода. Я уже подробно описал проблемы, с которыми я столкнулся из-за немецкой фамилии. Я никогда не считал себя немцем, так же как не считал себя поляком, финном, эстонцем, украинцем. Хотя для этого были основания. Я считал себя русским. В то же время я не перестаю гордиться своими многонациональными предками. Особенно их трудами и подвигами во славу отечества. Мой дед-украинец за героизм в боях с турецкой армией под Плевной получил личное дворянство и золотое оружие. Мой дед-немец был удостоен императором Николаем II звания «Почетный гражданин России» как лучший, говоря современным языком, менеджер. Мой прадед-финн изобрел первый в России аппарат для выполнения электрофореза (лечения электротоком). Моя бабушка-полька вырастила для России трех братьев — боевых офицеров, героически сражавшихся на японском и германском фронтах и отмеченных личным дворянством. Всего она воспитала семерых детей. Мой отец Гвидон Романович Мейер является автором первого в Советском Союзе учебника «Русский язык» под редакцией С. Г. Бархударова и Л. В. Щербы. Отец написал вторую часть, «Синтаксис», совместно с В. И. Устрицким. После этого он написал учебники русского языка для всех классов школ Эстонии, которые используются и теперь, после распада СССР. И мне было обидно, что все это стало подменяться примитивной оценкой «наш» — «не наш», «русский» — «не русский». Ни к чему хорошему это никогда не приводило. Да и не привело. История тому свидетель.